

ОБЩЕСТВО

ЦИТАТЫ

«Это только наркоманы на героине могут такое сказать»

— Когда появляется какая-то новая постановка, некоторое количество людей начинает говорить, что раньше было лучше. Я посмотрела вышедшие уже рецензии на премьеру «Ромео и Джульетты», там иногда встречается мотив: зачем надо было брать Макмиллана, у нас ведь раньше была своя постановка, ничуть не хуже?

— Это только безумцы какие-то, наркоманы на героине могут такое сказать. Ничем не хуже? Тогда висели две тряпки, нарисованные парой пьяных художников. Видели ли вы, какие сейчас роскошные декорации? Или они подразумевали, что оркестр играл лучше в 1980-х годах? Нужно быть неадекватным совсем, чтобы такое говорить.

Неадекватные люди везде есть. А если сейчас спросить людей, пришедших в театр, можно ли сравнить с прошлой версией «Ромео и Джульетты», — они будут смеяться, это невозможно сравнивать.

Из интервью

с художественным руководителем Пермского театра оперы и балета **Теодором Курентзисом**, газета «Московские новости», mpr.ru, от 7 июня

«Смачно прихватить за задницу девицу лёгкого поведения пермяки пока не решаются»

С персоной Дягилева этот спектакль связывает разве что имя композитора: Сергей Прокофьев был одним из главных действующих лиц поздних «сезонов». Однако подобный ballet story (как именуют этот жанр сами англичане) — многолюдный, многоактный, повествовательный, неторопливый, общедоступный — никогда не мог бы появиться в программах Дягилева. Во-первых, потому, что не совпадал с художественными пристрастиями продюсера-реформатора, во-вторых, разорил бы его вконец. Разорителен он был и для Перми, и если бы не состоятельные спонсоры во главе с компанией Prognos, не видать бы пермской публике одной из главных святынь английского балета, появившейся на свет в 1965 году и давно ставшей мировым хитом.

«Ромео и Джульетту» переносили в Пермь по всем международным стандартам: с труппой работали балетмейстеры из Фонда Макмиллана — Гари Харрис и Карл Бернетт, постановку лично курировала вдова хореографа, посвящённого в рыцарское достоинство за заслуги перед культурой Великобритании. Она и порекомендовала пермякам итальянцев-художников — сценографа Мауро Карози и автора костюмов Одетте Николетти, оформлявших этот спектакль в «Ла Скала». Для Перми тандем придумал эксклюзивное оформление, но лучше бы он этого не делал: циклопическая сценография и роскошнейшие костюмы, сожрав львиную долю бюджета, только навредили балету.

Ренессансным одеждам персонажей этого спектакля место в музее... Крой, ручную вышивку, дорогие ткани, лайковую кожу колетов, немислимых размеров и форм головные уборы, пышные плюмажи из разноцветных перьев — всё это надо рассматривать в упор. Но уже из шестого ряда деталей не видно, зато бал у Капулетти выглядит как дефиле в Лидо, только без обнажёнки: на сцене колышется лес перьев и чаща одежд, сквозь которые трудно разглядеть танец. Потому что танцевать, собственно, негде: и без того небольшую пермскую сцену сценограф уменьшил чуть ли не на треть... Массивная конструкция сохраняется неизменной весь спектакль, оставляя для танцев жалкий прямоугольничек, на котором не развернуться ни солистам, ни кордебалету... Отважным солистам, помимо преодоления технических рифов, приходится уворачиваться от торчащих на их пути ступенек и колонн и жмущегося к кулисам населения Вероны. Пострадало и само население — рисунок танцев кордебалета лишён воздуха и чёткости: круги сплюснены, диагонали покаты, «наплывы» и «прочёсы» лишились всякой динамики.

Несмотря на коварства сценографии, труппа с балетом справилась. Причём, как ни странно, с координационно непривычной хореографией лучше, чем с актёрским мастерством. Упрекнуть артистов можно и за закатость, и за избыточную аффектацию: они мимируют как в советском драмбалете, в то время как в его британском аналоге ставка сделана на непосредственность поведения и выражения чувств. Смачно прихватить за задницу девицу лёгкого поведения, целоваться вза-сос и переругиваться полупристойными жестами целомудренные пермяки пока не решаются. Раскрепощаются они лишь в драках: фехтовальные бои проведены с подлинным блеском...

Потому что любовь в этом спектакле отошла на второй план. Руслан Савденов, выбранный англичанами на роль Ромео за свои хореографические подвиги, ими же и ограничен. В любовных сценах он был деревянно-беспомощным, и бедная Джульетта (Наталья Домрачева) билась об него как о стенку, тщетно пытаясь поделиться своими восторгам, нежностью, желаниями и страхами.

Страстями ведал Теодор Курентзис: его оркестр MusicAeterna, пополненный приглашёнными солистами, играл упоительно, прорисовав в мельчайших подробностях интимность и грандиозность трагедии веронских любовников.

Из рецензии обозревателя газеты «Коммерсантъ» **Татьяны Кузнецовой** на балетную постановку «Ромео и Джульетта» Прокофьева в хореографии Кеннета Макмиллана в Пермском театре оперы и балета, kommersant.ru, 29 мая.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

«Столичные» бренды и шаблоны

В рамках «Белых ночей» в Перми проходят не только концерты и скандальные выставки, но и научные конференции

Юлия Баталина

Конференция «Город как стиль: формирование современной городской идентичности в России» прошла в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете и была организована кафедрой культурологии этого вуза во главе с профессором Оксаной Игнатъевой. В течение двух дней учёные из Перми, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбург, Иваново и других городов обсуждали различные аспекты культурной и социальной жизни современных российских городов, брендинг и стиль территории.

Доктор культурологии и кандидат географических наук Дмитрий Замятин, заведующий Центром гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Москва), в своём докладе «Постгеография города: стратегия пространственного воображения» поделился весьма любопытными соображениями о судьбе современного города. По его словам, традиционного города как такового уже не существует: вместо него имеет место постгородское развитие. В качестве доказательства Замятин говорит о том, что всё меньше смысла в оппозиции «город — деревня», а сам образ города в массовом сознании и в творчестве художников (в широком смысле этого слова) приобретает всё больше зловещих черт — достаточно вспомнить фильмы «Метрополис» Фрица Ланга, «Альфавилль» Жан-Люка Годара и «Бегущий по лезвию бритвы» Ридли Скотта.

Распад традиционного города, возникновение агломераций и мегаполисов Замятин связывает с концом индустриального ландшафта. Ландшафта, опять-таки, в широком смысле: не только визуального, но и ментального, мифологического. Этот процесс, по мысли учёного, особенно болезненно проходит в традиционных промышленных регионах. Например, на Урале.

Для того чтобы описать «ничто», возникающее на месте традиционного города, Замятин предлагает новый термин — «сопространственность». Это когда в одном географическом месте сосуществуют разные идентичности. Город становится пространственной «матрёшкой», и при пересечении границы социального района можно испытать некий дискомфорт, если перемещаешься, например, из центра на пролетарскую окраину.

Город всегда был зонирован, но, как думает Замятин, не так жёстко и, главное, не так разнообразно, как «сопро-

странственный постгород». Во всём этом Замятин видит много тревожных симптомов, например, потерю толерантности, укрепление оппозиции «свой — чужой». В связи со всем этим учёный предлагает три возможные стратегии постгорода.

Первая — стандартная семиотика постиндустриальных трансформаций: создание в старых складах выставочных пространств, а на территории обанкротившихся заводов — индустриальных ландшафтных парков и т. д.

Вторая — ретроиндустриализм. Это использование ностальгических, условно говоря, «сталкерических» настроений, когда ценностями становятся артефакты индустриальной эпохи (например, ретроавтомобили), а заброшенные шахты и мосты становятся объектами экстремального туризма и промышленного альпинизма.

Третья — увод проблем в виртуальность. Превращение проблемы в игру, по Замятину, терапевтический процесс, позволяющий создать позитивный миф о прошлом и на этом успокоиться.

Когда на трибуну пленарного заседания вышел доктор философских наук Михаил Тимофеев, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета, с докладом «Город: поиск уникальности», в университетском корпусе раздался сигнал пожарной тревоги. Весьма показательно, что никто не воспринял его всерьёз: аудитория развеселилась и оказалась права: сигнал был чьей-то ошибкой.

Доклад Тимофеева был посвящён более практическим предметам, чем доклад Замятина. По его словам, не стоит даже пытаться представить каждый конкретный город во всей его полноте. Надо пытаться найти нечто уникальное, что отличает город от всех других городов. Так, Пермь — это пермский период, пермский звериный стиль, Стефан Пермский, Дягилев, Чехов с «Тремя сёстрами», Пастернак и «коктейль Молотова». Иваново же — это «русский Манчестер», текстильная столица, родина первого Совета, «город невест».